

отправил к Грозному Исаию Камянчанина с просьбой прислать нужные им книги, но отнюдь не с просьбой о присылке друкаря.

Могла быть и еще одна причина, полагает М. Н. Тихомиров, которая заставила Федорова выехать в Литву «Вероятно, ко времени переезда Федоров овдовел, и это могло быть одной из причин, по которой оставление его во главе печатного дела в Москве было неудобно. Ведь, согласно существовавшим тогда в России правилам, овдовевшие белые священники и дьяконы должны были постригаться в монахи»¹⁰⁶ Постановление Стоглава, безусловно в ту пору действующее, не обязывало к пострижению в монахи. «А которые попы и дьяконы вдовые обещаются в чистоте пребывати, и тем давати благословленные грамоты . . . и вся священническая им действовати . . . оприче божественныя литургии». Но если «вся мирская те вдовые попы и дьякони почнут творити, и им . . . от церкви божия не питатися и жити с мирскими людьми, и тягло им государево давати с миром вкупе» (гл. 81).

Ни в одной из своих книг, напечатанных за пределами Московского государства, Федоров не называет себя дьяконом. Из одного львовского документа 1584 г.¹⁰⁷ видно, что еще в этом году дети Федорова были несовершеннолетними. Это дает основание считать, что Федоров овдовел и сотворил «мирская». Могло это произойти и в Москве, но уже после выхода в свет второго издания Часовника, в послесловии к которому он еще называет себя дьяконом. Если это так, то к такому поступку его могли отнести на Москве недоброжелательно, но неужели настолько, что это помешало ему в своей «земле и отечестве» продолжать излюбленное искусство наравне с другими мирскими?

Все это не позволяет согласиться с предположением М. Н. Тихомирова. Уход первопечатников был не свободным, а вынужденным. О причинах его говорит Федоров сам. Основная причина — оппозиция феодальных верхов политическим мероприятиям Грозного, в числе которых было и его возлюбленное детище книгопечатание. Эта оппозиция избрала средством удаления первопечатников за пределы Московской державы обвинение их в ереси, надеясь тем самым прекратить и книгопечатание на Москве.

Многие авторы, ссылаясь на Флетчера, считают, что типография Федорова была сожжена. Но Флетчер¹⁰⁸ был в Москве в 1588—1589 гг., т. е. года через 22 после того, как печатники оставили Москву. О том же писал с чужих слов Андре Теве в своей книге «Vrais portraits des hommes illustres», которая вышла в Париже в 1584 г.¹⁰⁹ Эти два источника различного происхождения не позволяют отмахнуться от сообщения о пожаре. Но сгорела, несомненно, не федоровская типография. Прежде всего, если бы его типография была сожжена, он сам сказал бы об этом в своей «Повести». Ведь говорит же он в ней достаточно подробно о тех гонениях, какие пришлось ему претерпеть в Москве. Но главным доказательством того, что типография Федорова не была сожжена, является тот факт, что через три года после выхода в свет Часовников тем же шрифтом его ученики Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа напечатали в Москве Псалтырь. Тем же шрифтом печатает Федоров и свои последующие книги за пределами Москвы. Шрифт его, очевидно, остался

¹⁰⁶ Там же стр. 37

¹⁰⁷ Из этого документа видно, что 2 апреля 1584 г. к властям города Львова явился львовский гражданин Георгий Рурмист и заявил, что далее «он не может выполнять обязанности опекуна над детьми покойного Ивана Федоровича друкаря»

¹⁰⁸ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 96

¹⁰⁹ См. Andre Thevet Cosmographie moscovite Paris, 1858, стр. 165